

СВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ С УРОВНЕМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА*

Кира Владимировна Мещерина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Илья Александрович Медведев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В данной статье предпринята попытка исследовать возможную связь религиозных ценностных установок, преобладающих среди молодежи той или иной страны, с уровнем интенсивности террористической деятельности в этой стране. Наша выборка включает наблюдения из Всемирного обзора ценностей по ценностным установкам молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет. Особое внимание было уделено ценностным ориентациям жителей стран Афразийской зоны нестабильности¹. Проведенное исследование позволило выявить несколько религиозных ценностных ориентаций, которые можно рассматривать в качестве возможных кандидатов для ответа на вопрос о том, какие ценностные установки молодежи могут способствовать повышенному уровню террористической активности в Афразийской зоне в XXI в. В целом, проведенное исследование позволяет предположить, что повышенная религиозность молодежи является одним из факторов повышенного уровня террористической активности в Афразийской зоне на современной фазе глобального модернизационного перехо-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

¹ Об Афразийской зоне нестабильности см. ниже, в разделе Методы и материалы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков 2019 400–423*

да, но при этом, в качестве значимых предикторов выступили религиозные убеждения (вера в жизнь после смерти, в дьявола, в грех и т. п.), а не религиозное поведение (посещение мечети, частые молитвы, и т. п.). Особо стоит отметить установку молодых на недоверие людям другой религии, которую, как позволяет предположить наше исследование, можно рассматривать в качестве достаточно сильного глобального ценностного фактора повышения уровня террористической активности.

На сегодняшний день связь терроризма или террористической активности с различными социальными, экономическими, политическими и культурными факторами уже была предметом ряда исследований (Gurr 1970; Hafez 2003; Krueger, Maleckova 2003; Noyon 2003; Abadie 2006; Santos, Mendes 2006; Piazza 2006; Schwedler 2006; Dalacoura 2011; Gries *et al.* 2011; Richardson 2011; Krieger, Meierrieks 2011; Meierrieks, Gries 2012; Sosis *et al.* 2012; Doosje *et al.* 2016; Enders *et al.* 2016; Morris, LaFree 2016; Boyd 2017; Danzell *et al.* 2018; Webber, Kruglanski 2018; Korotayev *et al.* 2019; Weber 2019; Васькин и др. 2018; Коротаев и др. 2019; Романов и др. 2019 и др.).

Приведем некоторые из таких факторов: низкий уровень экономического развития (Boehmer, Daube 2013; Gries *et al.* 2011; Enders *et al.* 2016), социально-экономическая депривация (Gurr 1970; Santos, Mendes 2006; Gries *et al.* 2011; Meierrieks, Gries 2012); бедность, неравенство, безработица, а также отсутствие социально-экономических возможностей (Gurr 1970; Krieger, Meierrieks 2011; Richardson 2011; Enders *et al.* 2016), рост доли молодежи (в том числе городской) в общей численности населения (так называемый «молодежный бугор») (Urdal 2004, 2006; Danzell *et al.* 2018; Weber 2019; Романов, Медведев, Коротаев 2019); различные политические мотивы (Bloom 2005), невозможность открытого участия в политике, политическая «изоляция» (Crenshaw 2010; Hafez 2003; Abadie 2006; Dalacoura 2011; Krieger, Meierrieks 2011); политическая нестабильность внутри государства и трансформации режимов, которые могут приводить к существованию «политических вакуумов» во власти, недоверие к институтам власти (Hafez 2003; Krieger, Meierrieks 2011; Doosje *et al.* 2016); те или иные типы политических режимов (Нарочницкая 2003; Коротаев, Васькин, Романов 2019;

Powell 1976; Piazza 2006; Gaibulloev, Piazza, Sandler 2017); влияние количественного охвата населения образованием (Акаев и др. 2017; Васькин и др. 2018; Krueger, Maleckova 2003; Richardson 2011; Danzell *et al.* 2018; Korotayev *et al.* 2019); социально-психологические факторы и поведенческие установки (Victoroff 2005; Doosje *et al.* 2016; Webber, Kruglanski 2018); влияние религиозных убеждений и/или идеологических принципов (Drake 1998; Bernholz 2006; Vodansky 2007; Atran 2010; Krieger, Meierrieks 2011; Sosis *et al.* 2012; Boyd 2017 и др.). Здесь также выделяются работы, которые упоминают о влиянии глобализации на возможные причины распространения исламистского терроризма (ускорение глобализации и восприятие Запада и его политического, экономического и культурного господства как угрозу для чистого ислама – обстоятельство, которое является важным движущим фактором для радикальных исламистов) (Гринин, Коротаев 2019; Doosje *et al.* 2016; Grinin *et al.* 2019)².

Анализ литературы позволил выделить несколько ключевых позиций рассматриваемого нами вопроса.

Так, Т. Р. Гэпп (1970) замечал, что политическое насилие возникает, когда существует несоответствие между тем, что люди полагают они заслуживают, и тем, что они фактически получают посредством экономического (распределительного) процесса. Например, террористическим организациям должно быть проще (менее затратно) привлекать разочарованных граждан и более эффективно использовать финансирование от сторонников, когда преобладает экономическая депривация (Krieger, Meierrieks 2011).

Акцентируя внимание непосредственно на исследуемых нами странах Афразийской зоны, следует привести работу К. Далакуры (Dalacouga 2011), которая рассуждает, что вероятной причиной повышенной террористической активности в странах Ближнего Востока являются господство там авторитарной системы правления³. Она пишет, что «...исключение из участия в политике лишает исламистов и представителей исламистских движений возможности

² Иногда упоминается также роль географического фактора (как, например, гористые местности, могут послужить хорошим убежищем для террористических групп и обустройства их тренировочных лагерей [Abadie 2006]).

³ Стоит отметить, что ее исследование было опубликовано в 2011 г., когда в этом регионе началась мощная волна протестов – так называемая Арабская весна.

мирным путем выражать свои взгляды и достигать своих политических целей. Это препятствует возможности поддержания диалога и компромисса с институтами власти, ведет к политической изоляции и толкает к тому, чтобы взяться за оружие...» (Dalacoura 2011: 1). Впрочем, еще большее число исследователей показывает, что предиктором более высокого уровня террористической активности скорее является именно демократическая форма правления (Нарочницкая 2003; Chenoweth 2013), и в особенности факциональная демократия (Коротаяев, Васькин, Романов 2019), очень, кстати, характерная для Афразийской зоны, где мы сейчас находим яркие примеры факциональных демократических режимов в Ливане, Ираке или Афганистане.

Интересно более детально рассмотреть круг источников, посвященных влиянию социально-психологических факторов и поведенческих установок. Понятие «психологический» основано на знании психологии человека; то есть раскрывающий, показывающий его внутренний мир, в связи с чем высока значимость влияния вышеуказанных факторов на ценностные ориентации личности. Так, Б. Дусье и его коллеги (Doosje *et al.* 2016) упоминают о том, что важной целью ранних исследований терроризма было найти четкий психологический профиль «террориста». Свой анализ они начинают с изучения роли радикализации как процесса, который может привести к терроризму. Первый этап они обозначают как *sensitivity* («чувствительность»), и приводят аргумент, что радикальные группы нередко хорошо подготовлены для того, чтобы воспитывать у новобранца чувство значимости, принадлежности, уважения, героизма, статуса и понятия борьбы за святое дело.

Ряд авторов предпринимают попытку установить влияние религиозных убеждений и/или идеологических принципов, при этом особое внимание уделяется проблемам исламистского терроризма (Hassan 2001; Banjamin, Simon 2002; Bernholz 2006; Bodansky 2007; Atran 2010; Krieger, Meierrieks 2011; Sosis *et al.* 2012; Ferguson, Binks 2015; Boyd 2017 и др.). Некоторые из них указывают на то, что террористы-самоубийцы часто изображаются в средствах массовой информации как религиозные фундаменталисты, с безнадежно промытыми мозгами и не имеющие отношения к реальности, однако люди, которые в конечном итоге становятся террористами, в остальном совершенно обычны. Как отмечает С. Атран,

«антропологически и психологически террористы обычно ничем не отличаются от остальных людей» (Atran 2010: 36).

Р. Сосис и соавторы (Sosis *et al.* 2012) используют сочетание «религиозный терроризм» (*religious terrorism*), сопровождая его понятием религиозного фундаментализма (с. 241). Фундаментализм, как правило, относится к религиозной идеологии, которая охватывает в том числе традиционные религиозные ценности. Авторы отмечают необходимость продуктивного продвижения дискуссий о роли религиозных убеждений в мотивации и поддержке террора. Они ссылаются на несколько аспектов, имеющих отношение к религиозным установкам, которые делают «религиозный терроризм» особенно эффективным для достижения целей. Среди таких, например, групповая приверженность (борьба за священное дело); вера в сверхъестественные силы и т. д.; разделение священного/сакрального и мирского через религиозный ритуал; подростковый возраст как критическая фаза жизни для передачи религиозных убеждений и ценностей (с. 235). «Религиозные террористы не обращаются к рациональным политическим аргументам <...> они полагаются на священные символы, наделенные эмоциональной силой, чтобы вовлечь последователей в свое дело» (Sosis *et al.* 2012: 238–240). Таким образом, авторы заключают, что ритуал является важным механизмом, который террористы используют для формирования убеждений и обеспечения приверженности (с. 249–250). О групповой приверженности пишут Н. Фергюсон и Э. Бинкс, отмечая, что желание вступить в вооруженную группу предполагает отождествление с людьми, которых представляет группа, через идентификацию с образцами для подражания (Ferguson, Binks 2015).

Про так называемый «религиозный терроризм» пишет Б. Хоффман, который отмечает, что «радикально разные системы ценностей, механизмы легитимации и оправдания, концепции морали и мировоззрения» (Hoffman 2006: 88) объясняют, почему религиозно мотивированный терроризм настолько опасен; он выступает за выделение его в отдельную категорию.

В качестве идеологической составляющей выделяет «религиозный терроризм» и П. Бернхольц (Bernholz 2006); при этом, помимо религиозных, он перечисляет в качестве примера другие идеологии, как например, нацизм и др. Автор указывает на то, что идеоло-

гии с их «высшими» ценностями как основой используются в качестве «оправдательного» фона для осуществления террористической деятельности. Такое мировоззрение, когда террористы опираются на идеологии, которые якобы подчеркивают превосходство их соответствующей идентичности (например, представляя «единственную истинную веру») устраняет моральные ограничения и укрепляет сплоченность «организации», делая терроризм менее дорогостоящим и более эффективным (с. 224–225). «...Поскольку эти ценности абсолютно верны для них, то они должны быть предпочтительнее всем остальным мотивам, поэтому террористы должны жертвовать не только жизнями других, но и своей собственной...» (с. 221). «...Они убеждены, что предположительно “невинные жертвы” на самом деле являются язычниками или еретиками с точки зрения их идеологии. Как следствие, они не испытывают никаких сомнений в убийстве или казни их...» (с. 228).

К. Дрейк подчеркивает, что идеология, которую он определяет как убеждения, ценности, принципы и цели, является наиболее важной особенностью группы, поскольку является мотивом действий ее членов (Drake 1998: 54–55). Еще ряд работ о роли идеологии в побуждении людей к участию в насилии указывают, что преданность священному политическому или религиозным ценностям, особенно когда они объединены с коллективной идентичностью, представляют важную особенность, которая отличает тех, кто хочет сражаться и умирать, от тех, кто менее желает этого (Atran *et al.* 2014; Loza 2007; Sanin, Wood 2014).

Хотя награды в загробной жизни редко являются главным мотиватором теракта-самоубийства (Atran 2010; Bergman 2009), они являются критической характеристикой успешных идеологий, которые позволяют террористическим организациям мотивировать новобранцев для выполнения задач (Sosis *et al.* 2012). Н. Хассан приводит высказывание члена ХАМАС: «Мы концентрируем свое внимание на раю, на присутствии Аллаха, на встрече с пророком Мухаммедом, на ходатайстве за близких, чтобы они тоже могли быть спасены от агонии ада...» (Hassan 2001: 39). Ю. Боданский замечает, что вера в то, что мученичество является средством символического очищения, ведет некоторых [новобранцев] на путь смертника (Bodansky 2007: 308–309).

По поводу новобранцев отмечается следующее: молодые подростки являются «пластичными» в своей политической ориентации и открыты для внушения. Они становятся твердыми в своей позиции позже, в подростковом возрасте (Victoroff 2005). К тому времени, когда воспитанные в культуре мученичества достигают раннего юношеского возраста, они уже готовы пожертвовать собой без дальнейшей идеологической обработки (Atran 2003; Brooks 2002). Таким образом, возраст и пол также являются важными факторами, поскольку террористические акты обычно совершаются в большинстве своем молодыми неженатыми мужчинами в возрасте от 15 до 25 лет (Ferguson, Binks 2015).

Методы и материалы

В данном исследовании мы ставили перед собой задачу оценить, могут ли религиозные ценностные ориентации молодежи Афразийской зоны нестабильности быть связаны с особо высоким уровнем террористической активности, наблюдаемым в данном веке в этой части мира, и предположительно установить, о каких именно религиозных ценностях идет речь. Напомним, что Афразийская зона нестабильности включает в себя Ближний и Средний Восток (с Пакистаном), Северную Африку и Сахель (подробнее об Афразийской зоне см.: Коротаяев, Исаев 2014; Коротаяев, Исаев, Руденко 2014, 2015; Korotayev *et al.* 2016). Следует отметить, что базы данных, которые содержат переменные по данному показателю в той или иной стране – *Global Terrorism Database* (START 2019), *Cross-National Time-Series* (Banks, Wilson 2019; Wilson 2019), в целом фиксируют для стран Афразийской зоны уровень террористической активности, многократно превосходящий то, что мы видим в остальном мире (см. Рис. 1):

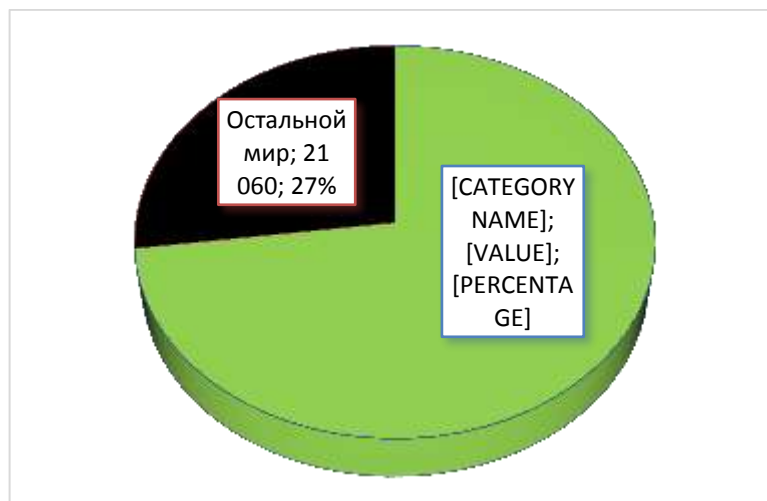

Рис. 1. Распределение общего числа значимых террористических актов, зафиксированных в мире в 2011–2017 гг. системой Global Terrorism Database, между странами Африканской зоны нестабильности и остальными странами мира

Источник данных: START 2019.

Для получения кросс-страновых показателей для измерения различных ценностей воспользуемся базой данных *World Values Survey* (WVS 2019). Данная база данных включает в себя более 340 тысяч наблюдений по более чем 1000 переменным.

Для получения сравнительных данных мы агрегировали микроданные WVS для каждой из стран по отдельности. В первую очередь нас интересовали ценности молодежи мужского пола, в связи с этим мы рассчитывали среднее значение для молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет. Это также позволило избавиться от неравномерности возрастных выборок в различных странах. Предварительно все шкалы переменных были перекодированы в упорядоченные шкалы, чтобы было возможно рассчитывать среднее значение.

World Values Survey проводится не каждый год, а волнообразно, в связи с чем наши данные имели периодический характер (раз в несколько лет). Поскольку ценностные переменные имеют свой-

ство изменяться очень медленно, для заполнения большего количества точек данных, была произведена линейная интерполяция, заключающаяся в равномерном заполнении пропущенных данных между двумя точками данных⁴.

Чтобы избежать излишне раздутого списка корреляций, мы отфильтровали все переменные, значимость корреляции с уровнем террористической активности которых была на уровне $< 0,05$. Ограничений на коэффициент нами не вводилось. Далее все полученные результаты были проранжированы по силе корреляции и была дана содержательная интерпретация полученных результатов.

Наша выборка включала наблюдения по ценностным установкам молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет. Для этого мы построили корреляционную матрицу на основе базы данных Всемирного исследования ценностей (WVS 2018) с включением туда дамми-переменной «Афразийская зона», где странам Афразийской зоны было присвоено значение «1», а всем остальным странам «0». В качестве стран этой зоны были маркированы следующие страны из выборки Всемирного исследования ценностей: Алжир, Бахрейн, Буркина-Фасо, Египет, Гана, Иран, Ирак, Иордания, Казахстан, Кувейт, Кыргызстан, Ливан, Ливия, Мали, Марокко, Нигерия, Пакистан, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Тунис, Турция, Узбекистан, Йемен.

Чтобы выявить наиболее значимые переменные, которые могут быть ассоциированы с высоким уровнем террористической активности мы провели корреляционный анализ, используя следующие серии тестов: корреляции по миру в целом, корреляции с принадлежностью к Афразийской зоне и корреляции за пределами Афразийской зоны.

Результаты

Проведенный анализ позволил выделить достаточно большое число значимых переменных (с показателем $p < 0,05$), которые было условно объединены в несколько блоков: религиозные ценности, семейные ценности, гендерные ценности и т. д. В этой работе мы опишем полученные результаты *по религиозному блоку*.

⁴ В таком случае каждое наблюдение в конкретной стране изменяется на определенную дельту значения. Таким образом каждое из наблюдений является: $X(i) = X(i - 1) + \varepsilon v$.

Религиозные ценности

Религиозные ценности могут быть условно поделены на два подблока: ценности, связанные с религиозными убеждениями и ценности религиозного поведения. При этом особо отметим выявленную закономерность, что с высоким уровнем террористической активности коррелируют скорее религиозные убеждения.

Наше исследование мы строили по следующему алгоритму. 1) На первой стадии мы выделили те ценности, которые коррелируют с повышенным уровнем террористической активности по миру в целом. 2) На второй стадии, опираясь на предварительный анализ, проведенный для всех мир-системных зон, мы выделяем ценности, которые характерны для Афразийской зоны в большей степени, чем для остальных стран мира. Двухступенчатый анализ позволяет нам отобрать те ценности, которые, предположительно, могут объяснить повышенный уровень террористической деятельности в исследуемой нами Афразийской зоне.

Для Афразийской зоны нестабильности в XXI в. характерен аномально высокий уровень террористических атак, это, в частности, подтверждается и данными *Global Terrorism Database (START 2019)*; см. также выше Рис. 1). И наша задача выяснить, с какими ценностными ориентациями может коррелировать повышенный уровень террористической активности в этой зоне. В данной работе мы начнем с анализа религиозных ценностных установок молодежи.

Проведенный анализ позволил выделить целый ряд религиозных ценностных установок, с одной стороны, коррелирующих с повышенным уровнем террористической активности на глобальном уровне, а, с другой стороны, в большей степени характерных именно для стран Афразийской зоны (см. Табл. 1). Следует сразу отметить, что при анализе такого рода таблиц, основанных на исследовании базы данных World Values Survey (WVS), при отрицательном значении коэффициента корреляции Пирсона (r) следует обращать внимание на самый низкий показатель кодировки (в основном, это 0 либо 1), а при положительном значении коэффициента (r) – на самый высокий ее показатель.

Табл. 1. Результаты корреляционных тестов между некоторыми религиозными ценностными установками и тенденцией к повышенному уровню террористической активности по миру в целом, а также с принадлежностью стран к Афразийской зоне

Название переменной	Корреляции					
	Между приверженностью соответствующим ценностным установкам и повышенным уровнем террористической активности по миру в целом			Между приверженностью соответствующим ценностным установкам и принадлежностью стран к Афразийской зоне		
	<i>r</i>	<i>p</i> -value	<i>N</i>	<i>r</i>	<i>p</i> -value	<i>N</i>
A006. Насколько важна в вашей жизни: религия: очень важна (1) / совсем не важна (4) ⁵	-0,189	< 0,001	830	-0,586	< 0,001	1359
A040. Важные качества в детях: религиозность: не упоминается (0) / важно (1) ⁶	0,222	< 0,001	965	0,559	< 0,001	1541
F063. Насколько Бог важен в вашей жизни: совсем не важен (1) / очень важен (10) ⁷	0,165	< 0,001	937	0,512	< 0,001	1496
D031. Важно для счастливого брака: исповедование религии: очень важно (1) / не очень важно (3) ⁸	-0,207	< 0,001	419	-0,498	< 0,001	732
F064. От религии человек получает утешение и силу: нет (0) / да (1) ⁹	0,127	0,001	641	0,424	< 0,001	1013
F059. Верите ли в: дьявола: нет (0) / да (1) ¹⁰	0,195	< 0,001	286	0,389	< 0,001	382

⁵ Здесь и далее содержатся наименования и кодировка переменных на английском языке из базы данных WVS: Important in life: Religion: very important(1) / not at all important(4).

⁶ Important child qualities: religious faith: not mentioned(0) / Important(1).

⁷ How important is God in your life: not at all important(1) / very important(10).

⁸ Important for succesful marriage: Religious beliefs: very(1) / not very(3).

⁹ Get comfort and strength from religion: no(0) / yes(1).

¹⁰ Believe in: devil: no(0) / yes(1).

Окончание Табл. 1

Название переменной	Корреляции					
	Между приверженностью соответствующим ценностным установкам и повышенным уровнем террористической активности по миру в целом			Между приверженностью соответствующим ценностным установкам и принадлежностью стран к Афразийской зоне		
	<i>r</i>	<i>p</i> -value	<i>N</i>	<i>r</i>	<i>p</i> -value	<i>N</i>
F054. Верите ли в: рай: нет (0) / да (1) ¹¹	0,114	0,004	652	0,387	< 0,001	1030
F050. Верите ли в: Бога: нет (0) / да (1) ¹²	0,124	< 0,001	869	0,368	< 0,001	1381
F055. Верите ли в: грех: нет (0) / да (1) ¹³	0,163	< 0,001	576	0,323	< 0,001	948
F051. Верите ли в: жизнь после смерти: нет (0) / да (1) ¹⁴	0,103	0,008	652	0,315	< 0,001	1030
G007_35_B. Доверять людям другой религии (B): доверять полностью (1) / недоверять совсем (4) ¹⁵	0,218	0,006	157	0,302	< 0,001	267
F062. Вера в Бога или безличного духа: в Бога (1) / в безличного духа или жизненную силу (4) ¹⁶	-0,160	0,001	411	-0,189	< 0,001	725
F029. Религиозное воспитание: нет (0) / да (1) ¹⁷	0,177	0,022	169	0,189	0,004	227
D010. Делиться мыслями с родителями: отношение к религии: нет (0) / да (1) ¹⁸	0,218	0,021	111	0,188	0,015	165
F024. Принадлежать к религиозной конфессии: нет (0) / да (1) ¹⁹	0,159	0,001	421	0,167	< 0,001	737

¹¹ Believe in: heaven: no(0) / yes(1).¹² Believe in: God: no(0) / yes(1).¹³ Believe in: sin: no(0) / yes(1).¹⁴ Believe in: life after death: no(0) / yes(1).¹⁵ Trust: People of another religion (B): trust completely(1) / do not trust at all(4).¹⁶ Personal God vs. Spirit or Life Force: personal God (1) / Spirit or Life force (4).¹⁷ Raised religiously: no (0) / yes (1).¹⁸ Sharing with parents: attitudes towards religion: no (0) / yes (1).¹⁹ Belong to religious denomination: no (0) / yes (1).

Источник данных: WWS 2019.

Примечание: Таблица имеет следующий вид: в строках – названия переменных, в столбцах – уровень статистической значимости (*p-value*) и коэффициент корреляции Пирсона (*r*).

Проанализируем данную таблицу.

1) Начнем с первой строки:

Название переменной	Корреляции					
	Между приверженностью соответствующим ценностным установкам и повышенным уровнем террористической активности по миру в целом			Между приверженностью соответствующим ценностным установкам и принадлежностью стран к Афразийской зоне		
	<i>r</i>	<i>p-value</i>	<i>N</i>	<i>r</i>	<i>p-value</i>	<i>N</i>
A006. Насколько важна в вашей жизни: религия: очень важна (1) / совсем не важна (4)	-0,189	< 0,001	830	-0,586	< 0,001	1359

Корреляция между ценностью A006 и уровнем террористической активности вроде бы отрицательная. Но здесь стоит обратить внимание на то, как закодирован данный показатель – минимальное значение данного показателя (1) соответствует очень большому значению религии в жизни респондента, а максимальное (4) – тому, что она совсем в его жизни не важна. Отрицательная корреляция означает, что повышенный уровень террористической активности в тенденции наблюдается там, где молодые люди (в возрасте 15–24 лет) в большей степени склонны давать ответ с минимальным значением (1) – то есть уровень терроризма выше в тех странах, где юноши в большей степени склонны утверждать, что религия в их жизни очень важна. С другой стороны, при анализе корреляции с принадлежностью к Афразийской зоне надо иметь в виду, что эта принадлежность кодировалась как «1», а ее отсутствие – как «0». Соответственно отрицательное значение корреляции с ценностью A006 в данном случае означает, что в странах Афразийской зоны молодые люди в значимо большей степени склонны давать ответ с минимальным балом по шкале A006 – то есть, что религия в их жизни очень важна. Таким образом, мы выясняем, что уровень террористической активности выше там, где молодые люди (в возрасте 15–24 лет) склонны утверждать, что религия очень важна в их жизни.

ни, а с другой стороны, молодые люди в большей степени склонны это утверждать именно в странах Афразийской зоны. Таким образом, мы выявляем одного из возможных кандидатов для ответа на вопрос о том, какие именно ценностные установки могут способствовать повышенному уровню террористической активности в Афразийской зоне.

2) Проанализируем теперь вторую строку.

Название переменной	Корреляции					
	Между приверженностью соответствующим ценностным установкам и повышенным уровнем террористической активности по миру в целом			Между приверженностью соответствующим ценностным установкам и принадлежностью стран к Афразийской зоне		
	<i>r</i>	<i>p</i> -value	<i>N</i>	<i>r</i>	<i>p</i> -value	<i>N</i>
A040. Важные качества в детях: религиозность: не упоминается (0) / важно (1)	0,221	< 0,001	965	0,559	< 0,001	1541

Отметим, что в данном случае (в отличие от предыдущего) кодировка World Values уже не контринтуитивна. Значимая положительная корреляция в левом столбце означает, что более высокий уровень террористической активности наблюдается в тех странах, где молодые люди в большей степени считают, что в детях важно воспитывать религиозность. А с другой стороны, значимая положительная корреляция в правом столбце означает, что юноши в Афразийской зоне придерживаются такой позиции в значимо большей степени, чем молодые люди остальной части мира. Таким образом, мы выявляем еще одного из возможных кандидатов для ответа на вопрос о том, какие именно ценностные установки молодежи могут способствовать повышенному уровню террористической активности в Афразийской зоне.

Такого рода анализ Табл. 1 позволяет нам кроме этого выделить следующие религиозные ценностные установки молодежи, коррелирующие с повышенным уровне терроризма на глобальном уровне, с одной стороны, и свойственные в большей степени молодежи Афразийской зоны, с другой – напомним, что они могут рассматриваться как возможные кандидаты для ответа на вопрос о том, какие именно ценностные установки молодежи могут спо-

способствовать повышенному уровню террористической активности в Афразийской зоне:

- 3) Важность Бога в жизни молодого человека (F063).
- 4) Важность исповедования религии для счастливого брака (D031).
- 5) Уверенность в том, что от религии человек получает утешение и силу (F064).
- 6) Вера в существование дьявола/шайтана (F059).
- 7) Вера в рай (F054).
- 8) Вера в Бога (F050).
- 9) Вера в религиозное понятие греха (F055).
- 10) Вера в жизнь после смерти (F051).
- 11) Установка на недоверие людям другой религии (G007_35_B).
- 12) Вера именно в обладающего личностью Бога, а не в некую космическую безличностную силу (F062).
- 13) Религиозное воспитание (F029).
- 14) Убежденность в том, что надо делиться мыслями об отношении к религии с родителями (D010).
- 15) Важность принадлежности к религиозной конфессии (F024).

Важно отметить, что ввиду того, что для Афразийской зоны в целом характерна высокая террористическая активность (см. Рис. 1) (START 2019), любые характеристики, которые встречаются в данной зоне значимо чаще, чем в остальном мире (например, повышенная доля фиников в диете), могут давать корреляцию с повышенным уровнем террористической активности; другими словами, мы имеем здесь дело с так называемой проблемой Гэлтона (см., например: De Munck, Korotayev 2000; Korotayev, de Munck 2003; Коротаев 2017).

В связи с этим, на третьей стадии мы проверяем, есть ли корреляция между приверженностью выявленным нами ценностям и уровнем террористической активности за пределами зоны. Если выяснится, что за пределами Афразийской зоны не наблюдается значимой корреляции между приверженностью соответствующим ценностным ориентациям и уровнем террористической активности (или корреляция эта хоть и значима, но в противоположном направлении), то отраженные в Таблице 1 корреляции можно действительно рассматривать, как результат действия эффекта Гэлтона. Однако если выяснится, что и за пределами Афразийской зоны здесь наблюдаются статистически значимые корреляции в том же

направлении, что были выявлены нами на глобальном уровне (с учетом Афразийской зоны), то эффектом Гэлтона данные корреляции объяснить полностью уже нельзя, а значит, вероятность того, что приверженность соответствующим ценностным ориентациям может в какой-то степени объяснять повышенный уровень террористической активности в Афразийской зоне сохраняется. Результаты проведенного анализа выглядят следующим образом (см. Табл. 2).

Табл. 2. Результаты корреляционных тестов связи между религиозными ценностными установками и повышенным уровнем террористической активности за пределами Афразийской зоны

Название переменной ²⁰	<i>r</i>	<i>p</i> -value	<i>N</i>
A006. Насколько важна в вашей жизни: религия: очень важна (1) / совсем не важна (4)	-0,130	0,001	678
A040. Важные качества в детях: религиозность: не упоминается (0) / важно (1)	0,091	0,009	813
F063. Насколько Бог важен в вашей жизни: совсем не важен (1) / очень важен (10)	0,110	0,002	789
D031. Важно для счастливого брака: исповедование религии: очень важно (1) / не очень важно (3).	-0,263	< 0,001	409
F064. От религии человек получает утешение и силу: нет (0) / да (1)	0,120	0,004	583
F059. Верите в: дьявола: нет (0) / да (1)	0,174	0,004	272
F054. Верите в: рай: нет (0) / да (1)	0,102	0,013	594
F050. Верите в: Бога: нет (0) / да (1)	0,106	0,004	741
F055. Верите в: грех: нет (0) / да (1)	0,157	< 0,001	533
F051. Верите в: жизнь после смерти: нет (0) / да (1)	0,089	0,030	594
G007_35_B. Доверять людям другой религии (Б): доверять полностью (1) / недоверять совсем (4)	0,232	0,010	123
F062. Вера в Бога или безличного духа: в Бога (1) / ни в Бога, ни в безличного духа (4)	-0,140	0,005	409

²⁰ Английский вариант названия переменных, в том числе их кодировку, используемые в базе данных WVS, см. в примечаниях к Табл. 1.

Окончание Табл. 2

Название переменной	<i>r</i>	<i>p</i> -value	<i>N</i>
F029. Религиозное воспитание: нет (0) / да (1)	0,185	0,021	156
D010. Делиться мыслями с родителями: отношение к религии: нет (0) / да (1)	0,218	0,022	111
F024. Принадлежать к религиозной конфессии: нет (0) / да (1)	0,161	0,001	411

Источник данных: WWS 2019.

Примечание: Таблица имеет следующий вид: в строках – названия переменных, в столбцах – уровень статистической значимости (*p*-value) и коэффициент корреляции Пирсона (*r*).

Отметим, что во второй серии тестов (см. Таблицу 2) в 9 из 15 случаев сила корреляции оказалась слабее чем в первой серии (см. правую часть Таблицы 1). Это говорит о том, что большинство²¹ выявленных в первой серии корреляций могут частично объясняться влиянием эффекта Гэлтона («не ешь финики, а то террористом станешь»). Но лишь частично. Более важно для нас здесь то обстоятельство, что во всех тестах второй серии корреляция оказалась в том же самом направлении, что и в первой серии, сохранив при этом значимость на уровне $< 0,05$. Таким образом, подтверждается вероятность того, что все выявленные в первой серии корреляции между ценностными установками юношей и повышенным уровнем террористической активности могут в определенной степени объяснять повышенную террористическую активность в Афразийской зоне на современной фазе глобального модернизационного перехода (о последнем см., например: Гринин, Коротаев 2019; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015).

Итак, мы получили список религиозных ценностей (Табл. 1 и 2), которые (1) коррелируют с повышенным уровнем террористической активности в мире в целом, (2) свойственны для стран Афразийской зоны в большей степени, чем для прочих стран мира и (3) демонстрируют значимую корреляцию с уровнем террористической активности за пределами Афразийской зоны. Как было нами показано выше, их вполне можно рассматривать в качестве

²¹ Но в любом случае не все.

возможных кандидатов для ответа на вопрос о том, какие ценностные установки молодежи²² могут способствовать повышенному уровню террористической активности в Афразийской зоне в XXI в.

Как мы видим, достаточно значимым предиктором высокого уровня террористической активности в странах Афразийской зоны нестабильности оказался высокий уровень религиозности молодежи, но при этом, в качестве значимых предикторов выступили скорее религиозные убеждения, чем религиозное поведение.

Действительно, статистически значимыми корреляциями с интенсивностью террористических атак характеризуются следующие, связанные с религиозными убеждениями, ценностные установки, характерные для молодежи стран Афразийской зоны в большей степени, чем для жителей стран других мир-системных зон:

- Вера в Бога (F050).
- Вера в жизнь после смерти (F051).
- Вера в дьявола (F059).
- Вера в грех (F055).
- Вера в ад (F053).
- Вера в рай (F054).

При этом важна вера именно в личностного Бога, а не в безличную космическую силу, карму и т. п. (F062). Сюда же можно отнести важность Бога (F063) и религии (A006) в жизни респондента, получение утешения и силы от религии (F064). В свете этого достаточно примечательно, что в группе ценностно-религиозных предикторов повышенного уровня террористической активности, не оказалось ценностей, связанных с религиозным поведением молодежи – а ведь в базе данных *World Values Survey* есть довольно много переменных, отражающих религиозное поведение респондентов (совершение молитв и иных религиозных ритуалов, посещение объектов религиозного культа, участие в работе религиозных организаций); характерно, что ни одна из данных переменных не продемонстрировала интересующих нас корреляций.

В числе выявленных нами возможных кандидатов для ответа на вопрос о том, какие ценностные ориентации «афразийской» моло-

²² Напомним, что по причинам, описанным во вводной части этой статьи, объектом нашего исследования были ценностные ориентации молодежи мужского пола в возрасте от 15 до 24 лет.

дежи могут способствовать повышенному уровню террористической активности в Афразийской зоне в XXI в., оказались и три религиозные социализационные ценностные установки: установка на воспитание в детях религиозности (A040); позитивное отношение к религиозному воспитанию (F029); убежденность в том, что надо делиться мыслями об отношении к религии с родителями (D010). Отметим также веру в важность исповедования религии для счастливого брака (D031) и в важность принадлежности к религиозной конфессии (F024).

Особо стоит отметить установку на недоверие людям другой религии (G007_35_B). Важным здесь представляется то обстоятельство, что наличие у молодых людей такой установки не только на глобальном уровне демонстрирует одну из наиболее сильных корреляций с террористической активностью (см. Таблицу 1); но, более того, за пределами Австразийской зоны эта корреляция оказывается даже сильнее, чем во всем мире (с учетом Афразийской зоны) (см. Таблицу 2). Речь, таким образом здесь может идти о достаточно сильном ценностном факторе повышенного уровня террористической активности.

* * *

В этом предварительном и небольшом исследовании на основе количественных тестов мы попытались найти связь религиозных ценностных установок молодых людей в возрасте 15–24 лет с уровнем террористической активности (с фокусом внимания на жителей Афразийской зоны нестабильности). Проведенное исследование позволило выявить несколько религиозных ценностных ориентаций, которые можно рассматривать в качестве возможных кандидатов для ответа на вопрос о том, какие ценностные установки молодежи могут способствовать повышенному уровню террористической активности в Афразийской зоне в XXI в. Подчеркнем, что речь пока идет именно о кандидатах на ответ, а не о самих ответах, так как для получения более определенных ответов потребуются использование более сложных математических моделей со значительным числом контрольных переменных.

В целом, проведенное исследование позволяет предположить, что повышенная религиозность молодежи является одним из факторов повышенного уровня террористической активности в

Афразийской зоне на современной фазе глобального модернизационного перехода, но при этом, в качестве значимых предикторов выступили религиозные убеждения (вера в жизнь после смерти, в дьявола, в грех и т. п.), а не религиозное поведение (посещение мечети, частые молитвы, и т. п.). Особо стоит отметить установку молодых на недоверие людям другой религии, которую, как позволяет предположить наше исследование, можно рассматривать в качестве достаточно сильного глобального ценностного фактора повышенного уровня террористической активности.

Анализ религиозных ценностей молодых людей, которые показали особо сильную связь, не стоило бы рассматривать как некий плацдарм для обязательного вовлечения в террористическую деятельность, однако предполагается, что они могут представлять собой дополнительные мощные механизмы для более легкой вербовки и идеологического «подчинения». Нет сомнения в том, что важно также изучать природу «искажения» мотивационно значимых религиозных установок, в том числе в контексте суицидального терроризма. И предварительные результаты необходимы для проведения дальнейших более точечных исследований.

Библиография

- Акаев А. А., Васькин И. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017.** Связь экономического роста, количественной экспансии образования и террористической активности: количественное кросс-национальное исследование. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 8 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 5–36.
- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В. 2018.** Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 24(2): 28–65.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2019.** *Исламизм и его роль в современном исламском обществе*. М.: Учитель.
- Коротаев А. В. 2017.** Проблема Гэлтона. *Метод* 7: 100–112.
- Коротаев А. В., Васькин И. А., Романов Д. М. 2019.** Демократия и терроризм: новый взгляд на старую проблему. *Социологическое обозрение* 18(3): 9–48.

- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *«Арабский кризис» и его международные последствия* / Под общ. ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: ЛЕНАНД. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 5 / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 180–207.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность 2: 88–99.
- Нарочницкая Е. А. 2003.** Терроризм и демократия (на примере этнического терроризма в странах Запада). *Актуальные проблемы Европы* 1: 27–59.
- Романов Д. М., Коротаев А. В. 2019.** Молодежь в городах и интенсивность террористических атак. Предварительные результаты. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 10 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 95–114.
- Романов Д. М., Медведев И. А., Коротаев А. В. 2019.** Структурно-демографические факторы социально-политической дестабилизации в странах Сахеля: факторы и прогнозные сценарии (предварительные результаты). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 10 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель.
- Abadie A. 2006.** Poverty, political freedom, and the roots of terrorism. *American Economic Review* 96(2): 50–56.
- Atran S. 2003.** Genesis of suicide terrorism. *Science* 299: 1534–1539.
- Atran S. 2010.** *Talking to the enemy: Faith, brotherhood, and the (un)making of terrorists*. New York, NY: HarperCollins.
- Atran S., Sheikh H., Gomez A. 2014.** For cause and comrade: Devoted actors and willingness to fight. *Cliodynamics* 5(1): 41–57.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2019.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem, Israel: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com>.
- Benjamin D., Simon S. 2002.** *The age of sacred terror*. New York, NY: Random House.

- Bernholz P. 2006.** International political system, supreme values and terrorism. *Public Choice* 128: 221–231.
- Berman P. 2010.** *The flight of the intellectuals*. New York, NY: Melville House Publishing.
- Bloom M. 2005.** *Dying to kill: The global phenomenon of suicide terror*. New York, NY: Columbia University Press.
- Bodansky Y. 2007.** *Chechen jihad: Al Qaeda's training ground and the next wave of terror*. New York, NY: HarperCollins.
- Boehmer C., Daube M. 2013.** The Curvilinear Effects of Economic Development on Domestic Terrorism. *Peace Economics, Peace Science, and Public Policy* 19(3): 359–368.
- Boyd K. A. 2017.** Group-level Predictors of Political and Religiously Motivated Violence. *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. Wiley Blackwell, West Sussex. Pp. 77–92.
- Brooks D. 2002.** The culture of martyrdom. *Atlantic Monthly* 289: 18–20.
- Chenoweth E. 2013.** Terrorism and Democracy. *Annual Review of Political Science* 16: 355–378.
- Crenshaw M. 2010.** *Explaining terrorism: Causes, processes and consequences*. New York, NY: Routledge.
- Dalacoura K. 2011.** *Islamist terrorism and democracy in the Middle East*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Danzell O. E., Yeh Y. Y., Pfannenstiel M. 2018.** Does education mitigate terrorism? Examining the effects of educated youth cohorts on domestic terror in Africa. *Terrorism and Political Violence*. DOI: 10.1080/09546553.2018.1506336. Published online 15 Aug 2018.
- De Munck V., Korotayev A. 2000.** Cultural units in cross-cultural research. *Ethnology* 39(4): 335–348.
- Doosje B., Moghaddam F. M., Kruglanski A. W., De Wolf A., Mann L., Feddes A. R. 2016.** Terrorism, radicalization and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology* 11: 79–84.
- Drake C. J. M. 1998.** The role of ideology in terrorists' target selection. *Terrorism and Political Violence* 10(2): 53–85.
- Enders W., Hoover G. A., Sandler T. 2016.** The Changing Nonlinear Relationship between Income and Terrorism. *Journal of Conflict Resolution* 60(2): 195–225.
- Ferguson N., Binks E. 2015.** Understanding radicalization and engagement in terrorism through religious conversion motifs. *Journal of Strategic Security* 8(1–2): 16–26.

- Gaibulloev K., Piazza J. A., Sandler T. 2017.** Regime Types and Terrorism. *International Organization* 71(3): 491–522.
- Gurr T. 1970.** *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gries T., Krieger T., Meierrieks D. 2011.** Causal Linkages between Domestic Terrorism and Economic Growth. *Defense and Peace Economics* 22(5): 493–508.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2019.** *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer.
- Hafez M. M. 2003.** *Why Muslims rebel: Repression and resistance in the Islamic world*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
- Hassan N. 2001.** An arsenal of believers: Talking to the “human bombs.” *The New Yorker* 19: 36–41.
- Hoffman B. 2006.** *Inside terrorism*. New York, NY: Columbia University Press.
- Korotayev A., de Munck V. 2003.** “Galton's Asset” and “Flower's Problem”: Cultural Networks and Cultural Units in Cross- Cultural Research (Or, Male Genital Mutilations and Polygyny in Cross- Cultural Perspective). *American Anthropologist* 105(2): 353–358.
- Korotayev A., Goldstone J., Zinkina J. 2015.** Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change* 95: 163–169.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Rudenko M., Ivanov E. 2016.** Afrasian Instability Zone and Its Historical Background. *Social Evolution and History* 15(2): 120–140.
- Korotayev A., Vaskin I., Tsirel S. 2019.** Economic Growth, Education, and Terrorism: A Re-Analysis. *Terrorism and Political Violence*. DOI: 10.1080/09546553.2018.1559835. Published online 09 May 2019.
- Krieger T., Meierrieks D. 2011.** What causes terrorism? *Public Choice* 147: 3–27.
- Krueger A. B., Maleckova J. 2003.** Education, Poverty and Terrorism: Is there a Casual Connection? *Journal of Economic Perspectives* 17(4): 119–144.
- Loza W. 2007.** The psychology of extremism and terrorism: A Middle-Eastern perspective. *Aggression & Violent Behavior* 12: 141–155
- Meierrieks D., Gries T. 2012.** Causality between Terrorism and Economic Growth. *Journal of Peace Research* 50(1): 91–104.

- Morris N. A., LaFree G. 2016.** Country-level predictors of terrorism. *The handbook of the criminology of terrorism* / Ed. by G. LaFree, J. D. Freilich. Hoboken, New Jersey: Wiley Blackell. Pp. 93–117.
- Piazza J. A. 2006.** Rooted in poverty?: Terrorism, poor economic development, and social cleavages. *Terrorism and political Violence* 18(1): 159–177.
- Powell G. B. 1976.** Political Cleavage Structure, Cross-Pressure Processes and Partisanship. *American Journal of Political Science* 20: 1–24.
- Richardson C. 2011.** *Relative Deprivation Theory in Terrorism: A Study of Higher Education and Unemployment Rate as Predictors of Terrorism*. Senior Honors Thesis... New York, NY: Politics Department.
- Sanin F. G., Wood E. J. 2014.** Ideology in civil war: Instrumental adoption and beyond. *Journal of Peace Research* 51: 213–226.
- Santos A. B., Mendes C. M. 2006.** An Empirical Analysis of Terrorism: Deprivation, Islamism and Geopolitical Factors. *Defense and Peace Economics* 17(4): 329–341.
- Sosis R., Phillips E. J., Alcorta C. S. 2012.** Sacrifice and sacred values: Evolutionary perspectives on religious terrorism. *Oxford Handbook of Evolutionary Perspectives on Violence, Homicide, and War* / Ed. by T. K. Shackelford, V. A. Weekes-Shackelford. New York, NY: Oxford University Press. Pp. 233–253.
- START** [National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism]. **2019.** *Global Terrorism Database*. College Park, MD: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/>.
- Urdal H. 2004.** The devil in the demographics: the effect of youth bulges on domestic armed conflict, 1950–2000. *Social Development Papers*. Paper № 14.
- Urdal H. 2006.** A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International studies quarterly* 50(3): 607–629.
- Victoroff J. 2005.** The mind of the terrorist: A review and critique of psychological approaches. *Journal of Conflict Resolution* 49: 3–42.
- Weber H. 2019.** Age structure and political violence: a re-assessment of the “youth bulge” hypothesis. *International interactions* 45(1): 80–112.
- Webber D., Kruglanski A. W. 2018.** The social psychological makings of a terrorist. *Current opinion in psychology* 19: 131–134.
- Wilson K. 2019.** *User's Manual. Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem: Databanks International.
- WVS 2019.** *World Values Survey Database*. Vienna: Institute for Comparative Survey Research. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.